

Настал день второго занятия. Сатору Годзё сидел в комнате, с нетерпением — и изрядной долей раздражения — ожидая прихода своего странного учителя.

— Тот вопрос, что ты задал в прошлый раз... На него ведь просто нет ответа, верно?

Тёмные круги под глазами выдавали крайнее утомление, но Сатору всё равно взъерошился, точно дикий котёнок, готовый пустить в ход когти. Он смерил вошедшего Аль-Хайтама хмурым, недовольным взглядом.

— Если считаешь, что нет, пусть будет так, — невозмутимо отозвался тот.

Аль-Хайтам буднично разложил на столе книги и бумаги, после чего подошёл к доске и принялся выводить тему сегодняшнего урока.

И вновь на доске сразу появились готовые решения.

Занятие продвигалось вяло, без малейшего усердия со стороны преподавателя, однако именно эта показная небрежность давала вечно кипящему разуму Сатору долгожданную передышку. Бегло пробежав глазами написанное и мгновенно усвоив суть, Годзё уткнулся лицом в сложенные на столе руки и прикрыл веки.

Даже с закрытыми глазами он оставался смертельно опасен: если бы этот обычный, тщательно проверенный старейшинами клана маг вздумал напасть, мальчик среагировал бы в долю секунды.

Но почему он закрывал глаза?

Для ребёнка непрерывно развивающиеся Шесть глаз были непосильной ношей. С каждым днём они обрушивали на его мозг лавину информации, которую приходилось анализировать без остановки. Даже поглощая сладости в невероятных количествах, Сатору постоянно испытывал голод. Бешеная работа мысли пожирала энергию быстрее, чем молодой организм успевал её накопить. Это противостояние между ненасытным разумом и истощённым телом подтачивало его детские силы.

Впрочем, для баснословно богатого клана Годзё это не представляло проблемы. Любые редчайшие снадобья и укрепляющие средства, которые только можно было купить за деньги, беспрепятственно доставлялись юному наследнику. По счастью, обмен веществ у Сатору был молниеносным, иначе горы деликатесов давно превратили бы его в упитанного поросёнка.

Аль-Хайтам скользнул по ученику мимолётным взглядом. Убедившись, что тот дышит и пребывает в добром здравии, мужчина вернулся к чтению.

Неторопливый шорох переворачиваемых страниц действовал усыпляюще. Сонливость начала

одолевать даже Сатору, который всего лишь хотел дать глазам передышку. Однако в самый последний миг, едва не провалившись в небытие, он встрепенулся, распахнул глаза и уставился на доску, разгоняя остатки дремоты.

— Ха-а-а...

Протяжно зевнув, Сатору недовольно уставился на наставника, который выглядел куда более праздным, чем он сам. Чтобы кто-то смел так откровенно бездельничать в его присутствии? Не бывать этому. Маленький тиран привык, что весь мир вертится вокруг него, а значит, этого заносчивого взрослого нужно срочно заставить работать.

— Эй! Урок вообще-то продолжается.

В ответ раздался лишь тихий скрип пера по бумаге.

Сатору обиженно надул щёки. Поднявшись со своего места, он бесшумно подобрался к столу Аль-Хайтама. Ему не терпелось узнать, что за тайный фолиант может быть важнее, чем обучение величайшего гения клана.

Тетрадь захлопнулась прямо перед его носом.

Годзё не издал ни единого звука при ходьбе, но даже так не успел разглядеть ни единого иероглифа. Попытка шпионажа потерпела сокрушительный крах.

— И о чём же ты хочешь послушать? — небрежно поинтересовался Аль-Хайтам.

Вопрос прозвучал лениво, но заставил маленького гения крепко задуматься.

Действительно, о чём? Благодаря Шести глазам Сатору мгновенно постигал суть любых вещей. Окружённый заботой и роскошью, он рос, не зная преград и разочарований. Крошечный, замкнутый мирок, в котором его заперли старейшины, не вызывал у него никаких вопросов — здесь всё было слишком предсказуемо.

— Расскажи мне... о том, что происходит снаружи, — наконец произнёс Сатору.

Огромный мир, сокрытый за высокими стенами поместья. Мир, к которому его не подпускали.

Возможно, это выходило за рамки классической словесности, но вполне укладывалось в обязанности истинного учителя.

— Хорошо, — на губах Аль-Хайтама на мгновение промелькнуло нечто, похожее на улыбку, но

мальчик не успел её разглядеть.

Кое о чём Аль-Хайтам умалчивал в разговорах с Системой: феномен Шести глаз по-настоящему интриговал его. Способность анализировать всё сущее, редчайший дар, рождающийся раз в столетие... Для человека, некогда управлявшего сумерским терминалом Акаши, Шесть глаз казались не более чем встроенным биокомпьютером, который невозможно отключить. Пусть его вычислительная мощность превосходила любые рукотворные аналоги, для самого носителя непрерывный поток данных превращался в невыносимый гул.

Этот белый шум перегружал восприятие, не оставляя времени на глубокое осмысление. Сатору был вынужден безостановочно сортировать и каталогизировать информацию, вместо того чтобы по-настоящему её анализировать.

«Если этот ребёнок научится мыслить самостоятельно, удержит ли его когда-нибудь эта клетка?»

Эксперимент обещал быть любопытным, и Аль-Хайтам охотно включил его в свой исследовательский план. Жители Сумеру, веками полагавшиеся на Акашу, после отключения терминалов долго не могли привыкнуть к поиску знаний в обычных бумажных книгах. Сколько же времени потребуется Сатору — существу, получающему любые ответы с рождения, — чтобы освоить истинное, недетерминированное мышление?

Разумеется, даже без постороннего вмешательства бунтарский дух Годзё рано или поздно заставил бы его сбежать, едва его силы окрепли бы достаточно. Аль-Хайтам лишь собирался немного ускорить неизбежное.

Мужчина отложил перо и закрыл тетрадь. В ответ на просьбу Сатору уголок его губ едва заметно приподнялся. Утоление любопытства одарённого ученика — прямая обязанность наставника.

Начать стоило с самых простых вещей.

Аль-Хайтам принялся терпеливо распутывать для мальчика клубок законов, по которым жил внешний мир. Для юного господина, выросшего в душной атмосфере патриархального клана, эти прописные истины звучали дико и нелепо.

— То есть за пределами поместья больше нет слуг? — недоверчиво прищурился Сатору.

— Формально нет. Теперь их называют наёмными сотрудниками.

— Тогда почему они продолжают терпеть все эти дурацкие правила, если их никто не заставляет?

— Из-за общественного договора. Нарушишь негласные правила — и станешь изгоем.

— Ха! И всё? Из-за такой ерунды?

Для Сатору, привыкшего делать всё, что вздумается, рассказы наставника казались абсурдной сказкой. Почему люди безропотно сносят притеснения? Почему выслуга лет ценится выше, чем реальные способности и усилия? Почему никто не пытается сломать столь глупую систему? Ведь они могут изменить свою жизнь, но упорно продолжают бездействовать.

— Моё рабочее время истекло. До свидания, — прервал его размышления Аль-Хайтам.

Человек, строго соблюдающий рабочий график, не собирался задерживаться ни на минуту. Он собрал свои книги и ушёл с той же невозмутимой грацией, с какой и появился.

Сатору сердито проводил взглядом спину наставника, который снова оставил его наедине с ворохом неразрешимых загадок, и со вздохом уронил голову на сложенные руки.

— Хм-м-м... Тра-ля-ля...

Система пребывала в преотличном расположении духа, нарезая круги вокруг Аль-Хайтама и фальшиво напевая какой-то весёлый мотивчик.

— Ты сегодня подозрительно жизнерадостна, — невозмутимо заметил мужчина, не обращая внимания на редких прохожих. В руке он нёс аккуратно упакованный тёплый бенто.

— Разумеется! Я просто счастлива!

Система никогда не утруждала себя маскировкой истинных намерений. Каждое её действие — от выдачи абсурдных заданий до бурной реакции на успехи Аль-Хайтама — так и сквозило откровенным фаворитизмом.

«Какая поразительная, ничем не обоснованная доверчивость», — мысленно резюмировал её подопечный.

Он шёл по кратчайшему пути, связывающему поместье Годзё с его собственным временным жилищем. Не будь местный мир столь уныло лишён Глаз Бога, Аль-Хайтам давно срезал бы дорогу с помощью быстрого рывка Дендро-силы.

Однако сегодня привычный маршрут преподнёс сюрприз.

Мужчина остановился. Перед ним, преграждая дорогу, сидело круглое, пухлое золотисто-жёлтое существо.

Это был Аранара.

Аль-Хайтам смерил его безучастным взглядом и попытался обойти.

— Аль-Хайтам!!!

Голос был до боли знакомым. Точно так же его несносный сосед взрывался праведным гневом каждый раз, когда находил забытые на кофейном столике книги.

— Мерзавец! Прекрати притворяться, будто не слышишь меня!

Жёлтый малыш-аранара совершил тактический маневр: вцепился крошечными лапками в край плаща Аль-Хайтама и изо всех сил потянул вниз, едва не катаясь по пыльной земле от ярости.

— Отпусти, Кавех, — вздохнул Хайтам, наклоняясь и аккуратно поднимая буяна за загривок.

Аранара-Кавех лишь крепче сжал лапки, издав яростный писк.

— Ты ведь сразу меня узнал, да?! И специально пошёл быстрее! Издеваешься надо мной?!

В присутствии своего извечного оппонента Кавех мгновенно терял всю свою хваленую вежливость и утонченность.

«Этот невыносимый чурбан умудряется бесить даже в другом мире!» — мысленно бушевал архитектор.

Глядя на приблизившееся, абсолютно невозмутимое лицо Аль-Хайтама, Кавех-аранара страстно пожелал вернуть себе человеческие пропорции, чтобы как следует съездить этому сухарю по физиономии.

Однако вместо ответной колкости Аль-Хайтам просто засунул его в сумку на поясе.

Да-да, в тот самый неприметный поясной кошель с совершенно не поддающимся логике внутренним пространством.

— Ах ты, скотина, да как ты сме...

Молния застегнулась, отрезав возмущённый вопль на полуслове. Кавех остался наедине с темнотой внутри сумки.

<http://bllate.org/book/18256/1755637>